

УДК 821.161.1-3

МГНОВЕНИЕ В «СТИХОТВОРЕНИЯХ В ПРОЗЕ» И. С. ТУРГЕНЕВА

О. С. Карандашова

Тверской государственный университет
кафедра истории русской литературы

В статье рассматривается мгновение как одна из не только временных, но и философских, мировоззренческих категорий в «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева.

Ключевые слова: Тургенев, романтизм, мгновение, вечность, художественное время.

Исследований временных категорий в творчестве И. С. Тургенева в отечественной науке на данный момент существует довольно много. Однако основной их массив посвящен романному творчеству писателя. Материалом же данного исследования послужили «Стихотворения в прозе», или «*Senilia*», – самое загадочное, необычное и одновременно закономерное, характерное явление в тургеневском художественном мироощущении.

Естественно, что в философском цикле, созданном на склоне лет, автор осмысляет жизнь. При этом из стихотворения в стихотворение Тургенев говорит о том, что жизнь лишь мгновение: «День за днем уходит без следа, однообразно и быстро. Страшно скоро промчалась жизнь, – скоро и без шума, как речное стремя перед водопадом. Сыплется она ровно и гладко, как песок в тех часах, которые держит в костлявой руке фигура Смерти» («Песочные часы») [4, с. 183]. Причем не только жизнь одного человека соотносится с мгновением, но и жизнь всего человечества в целом в пределах природы как вечной сущности также воспринимается как трагически короткое мгновение. Вспомним, например, стихотворение «Разговор», где на фоне разговора двух гор, для которых тысячелетия – одна минута, зарождается, развивается и заканчивается жизнь всего человечества:

« – Теперь вижу; там внизу все то же: пестро, мелко. Воды синеют; чернеют леса; сереют груды скученных камней. Около них всё еще копошатся козявки, знаешь, те двуножки, что еще ни разу не могли осквернить ни тебя, ни меня.

– Люди?

– Да; люди.

Проходят тысячи лет – одна минута. <...>

– А теперь? – спрашивает Юнгфрау, спустя другие тысячи лет – одну минуту.

– Теперь хорошо, – отвечает Финстерааргорн, – опрятно стало везде, бело совсем, куда ни глянь... Везде наш снег, ровный снег и лед. Застыло всё. Хорошо теперь, спокойно. <...>

Спят громадные горы; спит зеленое светлое небо над навсегда замолкшей землей» [Там же, с. 127–128].

Стихотворение «Разговор» идет вторым в цикле, после «Деревни», и задает тематику и тон всей «*Senilia*» в целом. В этом стихотворении жизнь человечества, как

мгновенная, преходящая, противопоставлена вечному существованию равнодушной природы. Во всех последующих стихотворениях цикла жизнь человека осмысливается как трагически короткая, мгновенная, она неразрывно связана с мотивом смерти. Так, в третьем стихотворении «Старуха» герой пытается убежать от смерти, обмануть ее, но в итоге понимает, что, как он ни мечется, «как заяц на угонках... все то же, то же» [Там же, с. 128–129], – смерти миновать нельзя – могила сама накроет тебя в одно мгновенье. В четвертом стихотворении «Собака» человек и собака – оба понимают конечность жизни. Тургенев пишет: «Я понимаю, что в это мгновенье и в ней и во мне живет одно и то же чувство, что между нами нет никакой разницы. Мы тождественны; в каждом из нас горит и светится тот же трепетный огонек. Смерть налетит, махнет на него своим холодным широким крылом... И конец!» [Там же, с. 120–130].

Нередко для того, чтобы показать всю мимолетность жизни, Тургенев сопоставляет настоящее и прошлое. Так, например, в стихотворении «Когда я один... (Двойник)» Тургенев пишет: «Когда я умру, мы сольемся с тобой – мое прежнее, мое теперешнее я – и умчимся навек в область невозвратных теней» [Там же, с. 184].

Известно, что дважды (в разговоре с А. А. Фетом и в одном из писем Полине Виардо 1 мая 1848 года) Тургенев говорит об особом волнении, которое вызывает у него хрупкая зеленая веточка на фоне голубого далекого неба. Тургенева беспокоит контраст между тоненькой веточкой, в которой трепетно бьется живая жизнь, и холодной бесконечностью равнодушного к ней неба. «Я без волнения не могу видеть ветку, покрытую молодыми зеленеющими листьями, отчетливо выющуюся в голубом небе, – почему? Да, почему? По причине ли контраста между этой маленькой живой веточкой, колеблющейся от малейшего дуновения, которую я могу сломать, которая должна умереть, но которую какая-то щедрая сила оживляет и окрашивает, и этою вечною и пустою беспредельностью, этим небом, которое сине и лучезарно только благодаря земле?.. <...> Ах! Я не выношу неба – но жизнь, действительность, ее капризы, ее случайности, ее привычки, ее мимолетную красоту... все это я обожаю. Я ведь прикован к земле» (цит. по: [1, с. 61]).

Перекликается с этой мыслью и фрагмент из «Поездки в Полесье»: «Вид огромного, весь небосклон обнимающего бора, вид “Полесья” напоминает вид моря. И впечатления им возбуждаются те же; та же первобытная, нетронутая сила расстилается широко и державно перед лицом зрителя. Из недра вековых лесов, с бессмертного лона вод поднимается тот же голос: “Мне нет до тебя дела, – говорит природа человеку, – я царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть”. <...> Трудно человеку, существу единого дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, – трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взгляд вечной Изиды; не одни дерзостные надежды и мечтанья молодости смиряются и гаснут в нем, охваченные ледяным дыханием стихии; нет – вся душа его никнет и замирает; он чувствует, что последний из его братья может исчезнуть с лица земли – и ни одна игла не дрогнет на этих ветвях; он чувствует свое одиночество, свою слабость, свою случайность» [3, с. 130].

На мой взгляд, эти примеры характеризуют мироощущение, присущее писателю в целом, а не в силу каких-либо обстоятельств проявившееся в одном отдельно взятом произведении, хотя бы и зрелом, созданном в конце жизни, итоговом, как «Senilia».

Но вернемся к «Стихотворениям в прозе». Итак, жизнь человека (и даже человечества) осмысливается как мгновение, для человека вечности нет (ни в каком виде, ни в каком проявлении). Там, где люди рассуждают о вечности (например, в

стихотворении «Череп»), сами они мертвы: «А черепа поворачивались по-прежнему... И с прежним треском, мелькая красными лоскуточками из-за оскаленных зубов, проворные языки лепетали о том, как удивительно, как неподражаемо бессмертная... да, бессмертная певица пустила свою последнюю трель!» [4, с. 144].

Трагизм мироощущения Тургенева проявляется в том числе на языковом, лексическом уровне. Слова *мгновенный*, *мгновенно*, *мгновенье* никогда не появляются в жизнеутверждающем, оптимистическом контексте, а исключительно в каком-то негативном контексте, с отрицательной коннотацией. Например: «Да не смущает вас *мгновенье* грусти темной!» («Два четверостишия») (курсив здесь и далее мой. – О.К.) [Там же, с. 140]; «*Мгновенно* выступила наружу мертвенная белизна черепов» («Череп») [Там же, с. 143]; «Тот *мгновенно* бухнул в бурные волны – и утонул» («Враг и друг») [Там же, с. 161]; «Я тотчас понял, что эта женщина – сама Природа, – и *мгновенным* холодом внедрил в мою душу благоговейный страх» («Природа») [Там же, с. 164]; «Прошло несколько *мгновений*... А я остался неподвижен и нем на могильной моей плите» («Встреча») [Там же, с. 174]; «Это море! – подумалось всем нам в одно и то же *мгновенье*. – Оно сейчас нас всех затопит... <...> Конец всему!» («Конец света (Сон)») [Там же, с. 135] и т. д. Синонимом *мгновения* является *миг*. Интересно, что если *мгновение* почти всегда напрямую у Тургенева связано со смертью, *миг* напрямую со смертью не соотносится, но, тем не менее, также воспринимается в трагическом контексте. Например: «Но настал недобрый *миг* – и мы расстались, как враги» («Последнее свидание») [Там же, с. 146]; «О, поэзия! Молодость! Женская, девственная красота! Вы только на *миг* можете блеснуть передо мною – ранним утром ранней весны!» («Посещение») [Там же, с. 148]; «Но глаза мои омочились слезами, и шевельнулось в груди, приподнялось на *миг* неподвижное, мертвое бремя» («Дрозд (I)») [Там же, с. 176] и т. д. Думается, что *миг* у Тургенева связан с обозначением времени, его краткости, а *мгновение* относится большей частью к обозначению трагической бренности жизни.

Обычно в литературоведении говорят о космическом пессимизме Тургенева. Однако более справедливой представляется точка зрения о «просветленном трагизме» писателя, высказанная в работах Г. Б. Курляндской и И. В. Карташовой [1; 2]. В «*Senilia*» трагизм просветляется искусством, любовью и пусть и безрезультатными с практической точки зрения, но прекрасными порывами человеческой души. В этом смысле показательно, на мой взгляд, что в целом трагический по мироощущению цикл (если опираться на прижизненное издание «Стихотворений в прозе» 1882 года, содержащее 51 произведение) обрамляется жизнеутверждающими стихотворениями «Дервня» и «Русский язык», переводящими повествование от бренности, мгновенности бытия к непреходящим, вечным ценностям и смыслам жизни.

Список литературы

1. Карташова И. В. Этюды о романтизме. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. 181 с.
2. Курляндская Г. Б. Проблемы жизни и смерти в «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева // Творчество И. С. Тургенева: сб. науч. трудов. Курск: Курский гос. пед. ин-т, 1984. С. 30–52.
3. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 5: Повести и рассказы, 1853–1857. Рудин. Статьи и воспоминания, 1955–1859. М.: Наука, 1980. 544 с.
4. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 10: Повести и рассказы, 1881–1883. Стихотворения в прозе, 1878–1883. Произведения разных годов. М.: Наука, 1982. 608 с.

MOMENT IN I. S. TURGENEV'S "POEMS IN PROSE"

O. S. Karandashova

Tver State University
the Department of History of Russian Literature

The article investigates the moment as one of not only temporal, but also philosophical, ideological categories in I. S. Turgenev's "Poems in Prose".

Keywords: *Turgenev, romanticism, moment, eternity, art time.*

Об авторе:

КАРАНДАШОВА Ольга Святославовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой истории русской литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: novak1@mail.ru.

About the author:

KARANDASHOVA Olga Svyatoslavovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of History of Russian Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str. 33), e-mail: novak1@mail.ru.